

Город родной, на исходе серебряных лет позволь мне снова признаться тебе в любви и отдать дань благодарности за всё то, чем так щедро одарил ты мое поколенье и даришь сейчас другим, вслед идущим.

Семь прославленных святых, не опуская руки, молятся за твоих домочадцев и всю землю сибирскую. Жемчужная россыпь белокаменных храмов — светлых, нарядных, разных по обличью — освящает и доньне хранит тебя. В дни великих праздников и торжеств ликующими звонами, льющимися с колоколен, поют они славу тем, кто жил, трудился и украшал столицу Восточной Сибири. Их было много — талантливых твоих сыновей, имена которых выбиты в камне и запечатлены памятью поколений, у каждого из которых был свой Иркутск.

И у меня он тоже свой! Я помню твои тихие деревянные улочки, заросшие вдоль заборов желтыми одуванчиками; звонкоголосый лай собак из подворотен, ленивую негу кошек, спящих на подоконниках. И старух на лавочках у резных теремов, которые, жмурясь от солнца, с любопытством глядели из-под ладоней: какого ротозея с фотоаппаратом сегодня к ним Бог послал?

Помню июньскую вьюгу опушенных великанов-тополей — белую метель на главной улице города, которую теперь все чаще называют Большой. Торжественная, нарядная, дворцовая, как нам казалось, улица приманивала многим: кинотеатром «Гигант», художественным музеем, знаменитой пельменной и букинистическим магазином в бывшем здании Гранд отель, где мы пропадали часами в поиске книжных сокровищ.

Помню набережную в годы юности нашей, ее гибкую бетонную стрелу, очерченную кустарником. Знаменитый Белый дом — ее начало. Почти рядом — причудливые, в мавританском стиле, кирпичные башенки краеведческого музея. Через дорогу — постамент с высоким шпилем — неизменное место свиданий влюбленных. Чуть дальше — широкие полукружья ступеней с лавочками, спускающихся к Ангаре, где парочки встречали рассветы. Сколько сердец зацвело здесь любовью, и сколько было разбито, не счесть!

Но этот любимый островок иркутской истории был связан тогда для нас еще и с долгими годами студенческого «труда и пота». Именно здесь Иркутск отворил нам университетские аудитории первого корпуса, куда мы входили с трепетом, чтобы жадно, как в засуху, пить знания по русской литературе и «зарубежке», вникать в судьбы классиков, до хрипоты спорить о кумирах, а перед сессией месяцами, запойно пропадать в «научке» — университетской библиотеке.

Белый дом... Белоснежный дворец купцов Сибиряковых, а затем резиденция иркутских генерал-губернаторов — непреходящая гордость иркутян, одна из главных визиток города. Люблю его мощные, торжественные колонны, уходящие ввысь, крутую мраморную лестницу и тихие читальные залы с окнами на Ангару. Сколько счастливых, незабываемых часов проведено было здесь когда-то! Июнь... За окнами звенит от зноя ослепительная синева, и еле-еле шелестит листва тополей. Свежее дыхание Ангары слабо колышет занавески, и где-то под крышей ласково воркуют голуби. А ты, счастливый студент филфака, переворачиваешь ветхую страницу старинного фолианта и ныряешь вглубь ушедших столетий, забывая до вечера обо всем на свете.

Мудрость ушедших веков, полет пытливой человеческой мысли и упорство таланта, созидающего роман или поэму, картину или скульптуру, как образец высокой, одухотворенной жизни подарил нам, Иркутск, твой Белый дом.

Не устану благодарить тебя, любимый город, и за другой чудный дар: богатую сокровищницу картинной галереи, не знающей себе равных от Урала и до Тихого океана. Раз в две недели спешили мы сюда на факультатив по искусству. Сквозь огромные полукруглые окна, завешанные молочно струящимися шторами, пробивалось солнце, жидким золотом проливаясь на старинный паркет, по которому мы ходили почти на цыпочках, чтобы его скрипом не потревожить тишины, которой были окутаны полотна Рокотова и Левицкого, Сурикова и Репина, Брюллова и Поленова.

Один из красивейших драматических театров российской провинции подарил ты нам, родной Иркутск. Мягко светящие по вечерам фонари у входа, огромные зеркала театральных залов, в которых живут отражения великих русских артистов, приехавших в Иркутск на гастроли — А. Южина, В. Комиссаржевской, М. Савиной... Уют бархатных кресел на очередной премьере и кипящие споры после спектакля, ожидание новых встреч с любимыми актерами и, конечно же, гордость за его достойное звание — академический.

Сколько славных героев, «самострелов русского духа» — от Ермака до Якова Похабова, от русского Колумба Григория Шелехова до Николая Муравьева-Амурского и радетелей города нашего, таких как Владимир Сукачев, купцы Сибиряковы, Трапезниковы, Баснины, оставили о себе благодарную память в твоей летописи, являя потомкам образцы для подражания.

Музеи, театры и библиотеки, затейливые кружева иркутских теремов и благородный ажур кованых оград, старинные фонари и фонтаны, «юбилейные» скамьи набережной, на спинках которых — признания в любви к тебе известных историков, путешественников и поэтов... Разве можно перечислить все то, чем радуется и обогащает столица Восточной Сибири?

И все же, как сильно изменился ты за полстолетия! Иногда я не узнаю тебя, мой город! Горят и рушатся резные терема на твоих улочках, осыпаются, ветшают порой бесхозные каменные постройки. А иваны, родства не помнящие, покушаются то на одну, то на другую охранную зону города. Бывают дни, когда, гуляя по знакомым улицам с крикливыми англоязычными вывесками, или очнувшись среди серых высоток в новостройках, я пугаюсь оттого, что перестаю там узнавать тебя, теряющего тот благолепный, величавый образ, который знаю и который ношу в своем сердце.

Но видеть только эти печальные картины и говорить только о них — полуправда. Ведь ты не только с годами теряешь что-то, но по-прежнему борешься за

свое «лица необщее выраженье». И не только стареешь, но и преображаешься с годами по-сибирски могучими рывками, как это было в те юбилейные дни, когда ты открыл 350-ю страницу своей летописи.

Кто бы мог подумать, что подле алтаря Спасской церкви появится изящная крипта с золочёной маковкой, под полом которой, в пещерке, будут схоронены останки первых жителей Иркутского острога; напротив собора Богоявления — долгожданный памятник: по-хозяйски твердо встанет здесь на берегу Ангары, на высоком постаменте, безымянный казак-первопроходец, которого благодарная память горожан будет упрямо величать Яковом Похабовым. В сквере у автовокзала — высоко вознесется над кленами изящная фигура юной дворянки с прической пушкинских времен, куда приходят все те, кому дорога память о декабристах. Кроме Верхней набережной, появится еще и Нижняя, ничуть не хуже Верхней. А на месте поруганного и оскверненного в годы советского безбожия Иерусалимского кладбища будет создан мемориальный комплекс «Иерусалимская гора».

...В Иркутске изрядно укромных уголков, где с тихой молитвой можно преклонить колена. И верится, любимый мой город, что твоим питомцам достанет и впредь ума и воли, мужества и благодарности, чтобы сохранить и передать потомкам все прекрасное, что было накоплено веками.

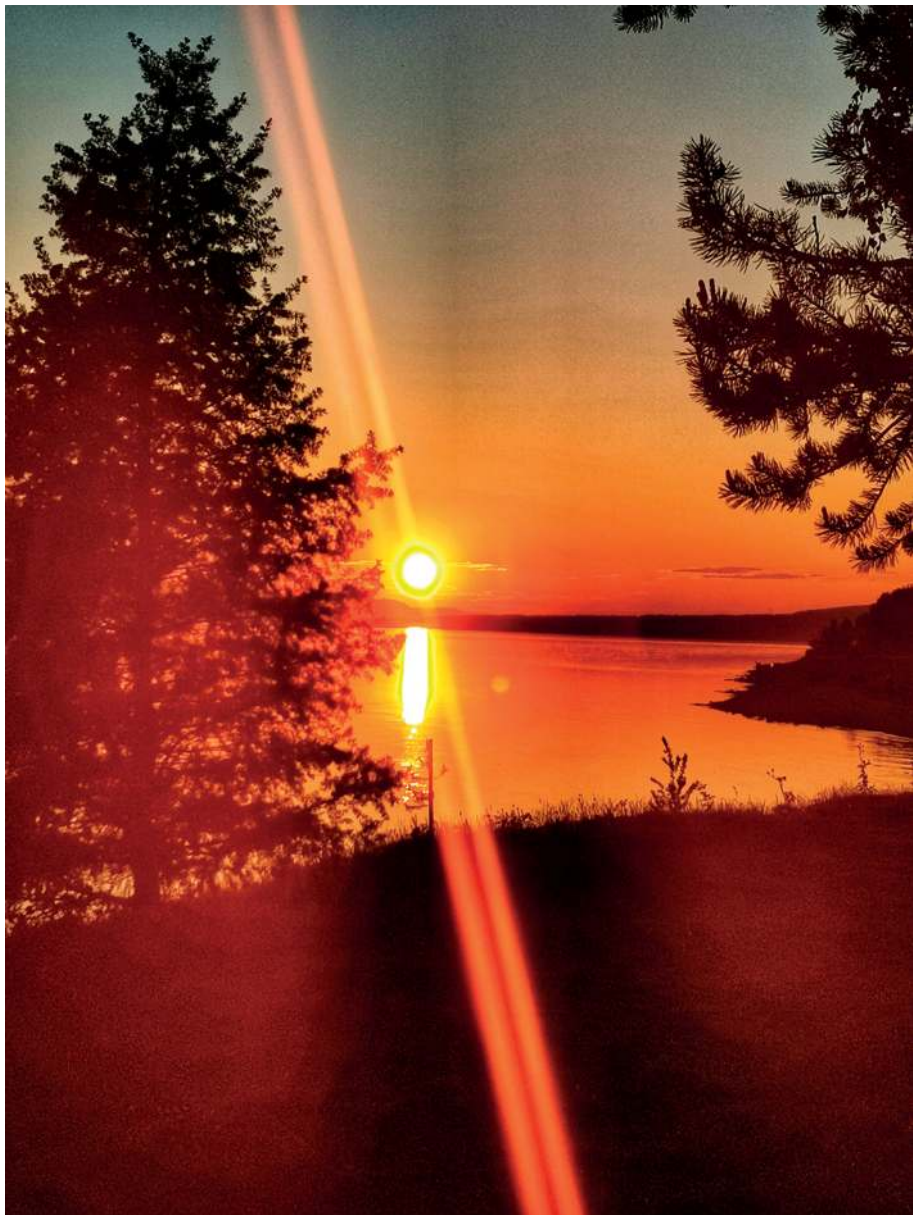
Л. Ладик. Мемориал на Иерусалимской горе

Л. Ладик. Храм Рождества Христова. Второй Иркутск

Л. Ладик. Заповедные иркутские улочки

Л. Ладик. Прощальный луч вечернего заката

Л. Ладик. Вечер